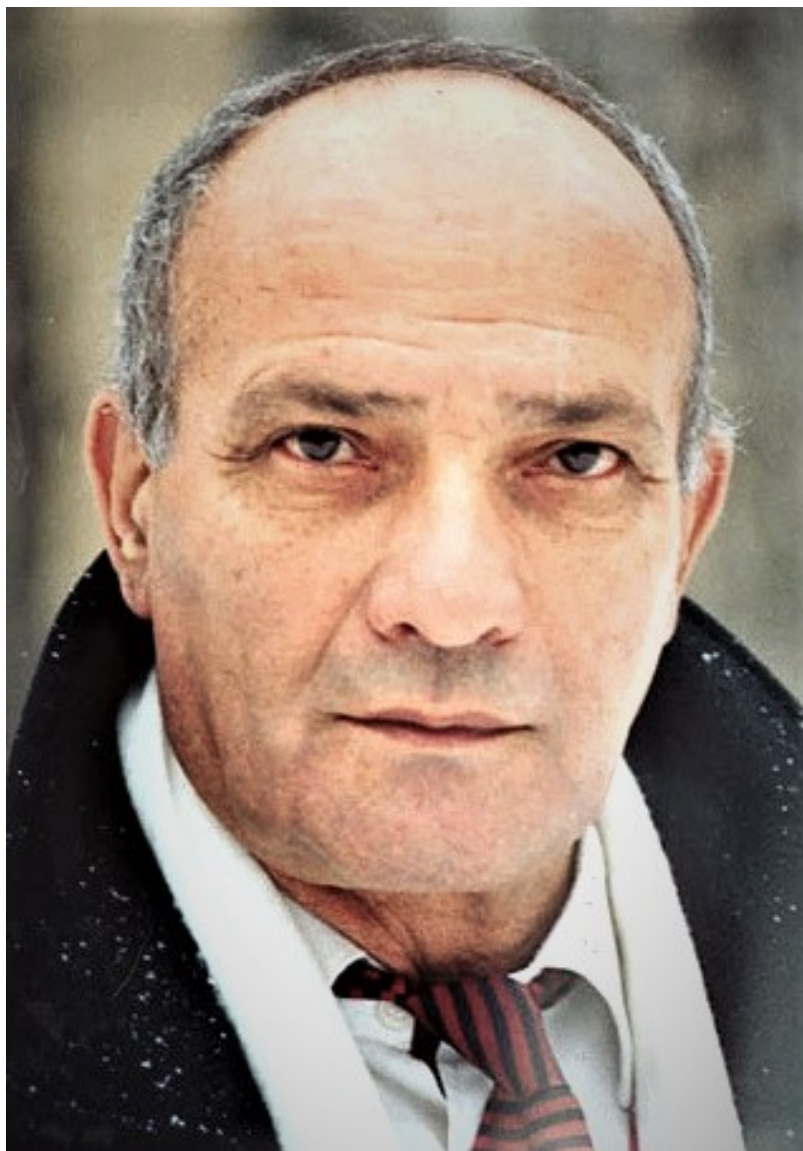

РАБОТЫ КОВАДА (КОНСТАНТИНА) БАГИРОВИЧА РАША

Автор: pavel

13.12.2019 00:21 - Обновлено 13.12.2019 01:00

Раш Кавад (Константин) Багирович

РАШ Карем (Кавад) Багирович (в Святом Крещении Константин)

(2 января 1936, с. Акко Талинского р-на Армянской ССР - 24 июля 2016, Москва) **великий русский курд (корд), достойный сын этого племени воинов; выдающийся, самый блистательный русский писатель из курдов; известный ученый педагог, филолог и русист; член Высшего творческого совета при Союзе писателей России; капитан I ранга ВМФ; казачий полковник СКР по Сибирскому казачьему войску; академик Петровской Академии наук и искусств; член Императорского Палестинского Православного общества, Научно - редакционного Совета Энциклопедии КАЗАЧЕСТВО, Редакционного совета Альманаха «Тобольск и вся Сибирь», Центрального совета Общероссийского движения поддержки флота (ДПФ).**

Школу Карем окончил в пос. Лагодехи Кахетинской области Грузинской ССР. В поселке, заложенном как военное поселение, полтора столетия стоял гренадерский полк Русской императорской армии, когда-то спасшей грузин от физического истребления. В Армии многие из рода Рашей, как доблестные воины, верно служили Отечеству, отец воевал хорунжим в Великой (1-й мировой) Войне на Кавказском фронте.

После школы К. Раш четыре года учился на Восточном факультете Ленинградского государственного университета по кафедре иранской филологии, затем перевелся на факультет журналистики. В 1963 году окончил университет и уехал в Сибирь. В Новосибирске Раш - публицист по проблемам науки, печатается в региональных и центральных газетах. Много ездит. С вулканологами он на извержении Ключевской сопки Камчатки, с геологами - у алмазных кимберлитовых трубок Вилюя, на приисках Алдана и Колымы, в солнечных обсерваториях Хамар-Дабана и Тикси. Сплавается по Великим рекам Сибири. Особенно его влекли студеные моря, омывающие Сибирь, подвиги русских моряков и казаков в Дальней России. Один из маршрутов Раша: Владивосток - Камчатка - Магадан - Якутск - Красноярск - Новосибирск.

Раша в известном смысле можно назвать отцом новых кадетских корпусов. В Академгородке он создал, в честь полтавской победы (виктории), которую Петр I называл «Русским Воскресеньем», фехтовальный клуб "Виктория". В Клубе был возрожден моральный дух и воссозданы методы воспитания, свойственные дореволюционным кадетским корпусам. Возглавлял Клуб в 1968-78, пожизненно был его почетным президентом. Клуб стал известен не только в стране, но и за рубежом. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт: его посетил и беседовал с Каремом Багировичем президент Франции Жорж Помпиду (вероятнее всего под впечатлением созданного по сценарию Раша документального фильма о юных мушкетерах, получившего, кроме нескольких всесоюзных премий, также Гран-при в Кортинод-Ампеццо). Воспитавший не одно поколение настоящих мужчин, Клуб до сих пор остается самой большой спортивной школой России, дающей порой половину сборной страны по фехтованию.

Бытует мнение, что Раш впервые после Ушинского вновь перевел педагогику на отечественную почву.

Отдав десять лет педагогике и журналистике, Раш в конце 70-х переехал в Москву и занялся профессиональной литературной деятельностью. В 1983 году полученный в Клубе педагогический опыт изложил в книге «Приглашение к бою». Позднее, в указанной ниже книге «Сибиряки против СС» дополнил тему очерком «Ревнителю отечественной славы». В 1985 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла повесть К. Раша «Лето на перешейке», удостоенная премии Н. Островского. В 1987 году издательство «Советский писатель» выпустило сборник повестей К. Раша «Парад».

В 1988 году журнал «Наш современник» поместил очерк Раша «Кто сеет хлеб, тот сеет правду», журнал «Москва» опубликовал историческое эссе «Предестенация» (похвальное слово российскому флоту), в котором Раш первым поднял вопрос о 300-летию Российского Флота.

В 1989 г. в серии «Роман - Газета для Юношества» издана книга Раш К. Б. «Сибиряки против СС. Военная повесть» с предисловием Ивана Стаднюка «Повесть о любви к Отечеству» (М. Худож. лит. 268 с. Тираж 250 000 экз.).

Тот же 1989. Разгар «перестройки», фактически разгул «катастрофки», в том числе пик очернительства Вооруженных Сил. Западнему супостату и внутреннему врагу казалось,

еще немного и развалится Русская Армия, затем рухнет Держава. И вдруг Военно-исторический журнал печатает блистательное историко-философское эссе Раша «Армия и культура» о спасительной роли офицерства в судьбе Отечества. Автор, беспартийный мыслитель, доказал, что армия есть духовно-силовой стержень более чем 1000-летней Руси - России, носитель её ратного бескорыстия и убедительно разъяснил читателю: коли по слову Спасителя, нет выше любви, как если отдать жизнь свою «за други своя», то значит, что нет выше и культуры, что Армия, стоящая на братском самопожертвовании и есть олицетворение высшей Культуры. АРМИЮ и КУЛЬТУРУ перепечатали армейские, флотские, пограничных и внутренних войск газеты и журналы. Работа стала событием в духовной жизни Вооруженных Сил. По ней проводились семинары и конференции, в Забайкалье офицеры переписывали многостраничный труд от руки. Особенно воодушевила «Армия и культура» обстрелянных офицеров Великого Афганского похода.

Переполюсился Запад. О произведении писали аналитики Европы и Америки: из Милана, из Гарварда, из Кембриджа, из Нью-Йорка, из Канады. Их общее заключение: в России появился невиданного доселе масштаба мыслитель государственный, его они назвали «К. Раш: An Ideologue of Military», т. е. «К. РАШ: ИДЕОЛОГ ВОЕННОЙ МОЩИ». Пентагон перевел «Армию и культуру» на английский язык и поместил в одном из своих журналов для изучения в военных училищах.

Когда в том же 89 - м маршал Язов собрал в Театре Советской Армии Общесоюзное Офицерское собрание. Раш был на нем делегатом от Таманской гвардейской дивизии, избран в президиум «золотопогонного» форума и выступил с яркой и убедительной речью.

Министр обороны России за особые заслуги перед Вооруженными Силами наградил Раша офицерским кортиком, с присвоением звания капитана 1 ранга и правом ношения военной формы одежды.

В журнале «Роман-газета XXI век» Опубликованы работы Раша «Ракетный меч державы» (№2, 1999), «Рождение танковой нации» (№7, 1999, удостоена литературной премии «Сталинград») и «Святая Русь - это морская Русь» (№7, 2000), посвященные сильным и мужественным людям, сделавшим Россию великой державой, тем, кто сумел отстоять ее независимость.

В 2005 году Российский журнал художественной литературы и общественной мысли «СЛОВО» в № 4 опубликовал историческое эссе КАВАД РАШ «Несменяемые стражи», которое Совет атаманов Союза Казаков признал «лучшей работой о казачестве». Раш был удостоен патента казачьего полковника СКР, по его просьбе и по просьбе казаков Сибирского казачьего войска приписан к Сибирскому казачьему войску.

Именно с этой публикации стал известен русским казакам КАВАД РАШ (взявший "царскую нисбу" - псевдоним - "Кавад Раш" - ко многому обязывающее древнее имя "Светловолосый царь-кузнец", если переводить дословно), как автор, по определению Распутина, «учительной прозы» по истории этих воинов и землепроходцев, точнее, по Рашу, водопроходцев и рыцарей Пояса Богородицы, сделавших всю историю России. Автор талантливых произведений и удивительно простой в общении человек стал любимым писателем для большинства из миллиона казаков, составляющих Союз Казаков, называвших его почтительно и доверительно **Кавад Багирович** (в Русской Императорской Армии даже нижние чины могли обращаться к командиру полка по имени - отчеству).

В 2007 г. Российский Фонд Культуры издал книгу Кавад Раш «Время офицеров. Письма к русскому офицеру». Предисловие к ней написал Президент Фонда Михалков Н. С. В 2008 году книга удостоена престижной премии им. Святого князя Александра Невского и названа Биографическим институтом Книгой Года.

В последние годы Раш написал более 50 работ по теме армии и флота, около 30 - о казачестве, опубликованных преимущественно в журналах и помещенных на сайтах Союза писателей России, Союза казаков России, газет «День литературы», «Завтра» и др. Среди работ о казаках: «Витязи господни», «Жду пришествия казаков и святого духа», «Императорский прорыв. Иранский поход», «Казаки нам не изменят», «Казачество в судьбах России», «Православное рыцарство» и др. (Предварительный список работ Раша по истории и культуре казачества, которые в ближайшее время будут помещены на сайте Союза Казаков, где иконка «Раш К. Б. казачий писатель и казачевед» разместится в ряду казачьих войск, дается в ПРИЛОЖЕНИИ). Постоянно обращался Раш к кадетской теме (работы: «Бессмертные кадеты», «Время озаренных кадет», «Слово о кадетском братстве»).

Раш Кавад (Константин) Багирович

АЛМАЗНЫЕ ЗНАКИ ОБЩЕРУССКОЙ ЧЕСТИ

Польские события в очерке изложены по мотивам исторических записок «Русская быль»

благороднейшего подвижника Николая Тальберга, литератора, историка церкви, выпускника Императорского училища Правоведения, основанного государем Николаем I в 1835 году. Церковь Правоведов освятил святой митрополит Филарет (Дроздов). Училище Правоведения, как Царскосельский (Александровский) Лицей, сразу стали великими учебными заведениями Святорусского царства.

До 1917 года всего за 72 года училище Правоведения выпустило 2017 высокообразованных юристов. Из них 46 выпускников стали членами Государственного Совета, 168 – сенаторами, 64 – губернаторами, не считая министров и лиц, занявших высшие административные должности в Империи. Первые 20 лет училище Правоведения было под неусыпным вниманием Государя. Если Царскосельский Лицей получил наименование «Александровского», то училище Правоведения, несомненно, достойно имени «Николаевского».

Зная о высочайшей образованности и неподкупности Правоведов, Лицеистов и Сенатских, большевики в 1925 году всех их отправили для уничтожения на Соловки, где этот цвет дворянской тысячелетней Руси и сгинул в расстрельных ямах.

Обычно Правоведов хоронили в форменной правоведческой рубашке. На Соловках их этой чести не удостоили. В эмиграции Николай Тальберг прославился невероятной скромностью и подвижничеством. Этот очерк посвящён памяти Николая Тальберга и всех Правоведов, в числе коих был и обер-прокурор Синода Константин Победоносцев, великий юрист и учитель Государей.

* * *

Сбылось – и в день Бородина

Вновь наши вторглись знамена

В проломы павшей вновь Варшавы;

И Польша, как бегущий полк,

Во прах бросает стяг кровавый.

А.ПУШКИН, «Бородинская годовщина»

Руководил взятием мятежной Варшавы вызванный с Кавказа генерал Иван Паскевич, граф Эриванский, один из героев Бородина. С победной депешей в Петербург Паскевич отправил флигель-адъютанта ротмистра гвардии князя Суворова, чей дед генералиссимус князь Суворов брал Варшаву в 1794 году при императрице Екатерине II, через три года после гибели великого Потёмкина. Депеша графа Паскевича начиналась со слов: «Варшава у ног Вашего Императорского Величества».

Ответ императора Николая Павловича от 4 сентября 1831 года гласил: «Ты с помощью Бога Всемилосердного поднял вновь блеск и славу нашего оружия, ты покарал вероломных изменников, ты отомстил за Россию, ты покоришь Варшаву – отныне ты светлейший князь Варшавский. Пусть потомство вспомнит, что с твоим именем неразлучна была честь и слава российского воинства, а имя да сохранит каждому память дня, вновь прославившего имя русское».

Придёт время, и император Николай I возглавит парад своих войск, штурмовавших Варшаву. Государь лично повёл на параде Лейб-гвардии Преображенский полк, главную ударную силу на приступе. Наместник Царства Польского светлейший князь Варшавский генерал-фельдмаршал Иван Паскевич – полтавский дворянин и прямой потомок умученных в Варшаве запорожских атаманов.

Стоя на возвышении в окружении генеральской свиты, светлейший князь Варшавский принимал парад войск. Честь ему отдает могущественный монарх Европы. В руках Паскевича фельдмаршальский жезл, на котором выгравировано: «За предводительство победоносными российскими армиями во Франции, Персии, Турции, Польше, Венгрии».

Была ещё одна вершина в жизни Паскевича, когда он в 1814 году в Париже принял от генерала Ермолова командование всей Императорской русской гвардией. Это тот самый великий воин Ермолов, который в 1794 году 17-летним артиллерийским капитаном принял из рук Суворова орден св. Георгия IV степени.

В Варшаве мимо наместника Царства Польского, печатая шаг, прошёл его родной Преображенский полк, куда после Пажеского корпуса он был зачислен в 1800 году 18-летним поручиком. Через десять лет под стенами Варны молодой командир Витебского мушкетёрского полка за умелые действия и безрассудную отвагу полковник Паскевич почти подряд удостоен орденов св. Георгия IV степени и III степени. Последним, III степени, обычно удостоивались военные в генеральских чинах. Паскевич в 28 лет уже обстрелянный генерал.

При Бородине он командует геройской 26-й пехотной дивизией и отмечен орденом св. Анны I степени.

Князь Паскевич очень дорожил родословной и особенно подвигами запорожцев. Возможно, никто в России так пронзительно не чувствовал свою связь с казнёнными в Варшаве малороссийскими казаками, как он, Паскевич. Наместник Царства Польского понимал свою историческую миссию перед памятью умученных казаков. С ним мог бы разделить эти чувства разве что герой наполеоновских войн и 1812 года генерал-лейтенант Сулима, тоже из запорожских казаков. После войны он не только губернаторствовал в Западной и Восточной Сибири, но занимал в Польше должность руководителя Уголовного суда.

Между царём Николаем Павловичем и генералом Паскевичем существовало несомненное взаимное притяжение в силу крупности натур, верности России и врождённой правдивости. Никто никогда не видел Паскевича даже близко около тайных кружков будущих «декабристов», которых Паскевич презирал как всякое отклонение от верности родным началам. Неудивительно, что Паскевич, наряду с неподкупным Аракчеевым, был ненавидим «прогрессивными» маниловыми и либеральными славянофилами. И царю, и Паскевичу были присущи презрение к тому, что теперь именуют толерантностью, столь почитаемой в среде лиц неопределённой ориентации. Эта верность правде в государе Николае I особенно ярко проявилась при встрече с делегацией варшавских верхов, которые ходатайствовали об аудиенции для поднесения монарху верноподданнического адреса. Им император Николай I изволил ответить следующим образом:

– Я знаю, господа, что вы хотели обратиться ко мне с речью, я даже знаю её содержание, и именно для того, чтобы избавить вас от лжи, я желаю, чтобы она не была произнесена предо мною. Да, господа, чтобы избавить вас от лжи, ибо я знаю, что чувства ваши не таковы, как вы хотите меня в том уверить.

Ничто так не обезоруживает, как правда. Русский царь буквально бичевал шляхту правдивостью. Мятеж поляков сопровождался с их стороны страшными жестокостями и насилием. Всё началось с того, что Сейм объявил династию Романовых низложенной. Восстание подготовили те же силы, которые в июле 1830 года свергли в Париже монархию. Император Николай I был на этот счет человеком сверженным. После того как он картечью очистил Сенатскую площадь от «декабристов», царь лично занялся расследованием всех пружин заговора, нити которого тянулись за рубеж. Он велел всем путешествующим в Европе русским дворянам вернуться домой. В Россию возвратились 50 тысяч бездельников, которые мотали деньги крестьян и набивали слабые головушки разрушительным мусором.

Русский царь стал чуть ли не лучшим в мире специалистом по тайным обществам и международным заговорам. Когда в 1848 году началась в Европе новая волна мятежей, Николай I написал прусскому королю Фридриху Вильгельму III, отцу своей супруги Александры Фёдоровны, призывая его к бдительности: «нам обоим угрожает неминуемая гибель». Осведомлённость русского царя и его решимость к отпору вызвали маниакальную ненависть к Николаю I смутьянов всей Европы. Многознающий римский престол целиком был на стороне русского монарха и весь XIX век то и дело в энцикликах проклинал и предавал анафеме тайные общества.

Странное дело, Русская церковь ни разу этого не сделала, хотя именно в России безбожники бесчинствовали особенно открыто, убивая руками истеричных и растленных подпольщиков царей, великих князей, министров, губернаторов. Один только император Николай I отвечал ударом на удар, а князь Варшавский фельдмаршал Паскевич до смерти был рядом с монархом и крушил крамолу.

Тогда в Варшаве император Николай I продолжал бичевать правдой лживую польскую депутацию, заявив им:

– Император Александр сделал для вас более, чем русскому императору следовало бы. Он осыпал вас благодеяниями. Он покровительствовал вам более, чем своим поданным, он сделал из вас нацию самую цветущую и самую счастливую. Императору Александру вы заплатили самой чёрной неблагодарностью.

Следует отметить, что императора Николая I современники именовали «последним рыцарем Европы». Тогда в Варшаве он сказал польской шляхте:

– Поверьте мне, господа, принадлежать России и пользоваться её покровительством есть истинное счастье... Если вы будете выполнять все свои обязанности, то моя отеческая попечительность распространится на всех вас и, несмотря на всё происшедшее, мое правительство будет всегда заботиться о вашем благосостоянии».

На обратном пути в Белой Церкви царь навел графиню А.В. Браницкую, урожденную Энгельгардт, племянницу князя Потёмкина-Таврического. Государь не преминул посетить в Киеве Печерскую Лавру. За своё царствование Государь Николай Павлович посетил Печерскую Лавру шестнадцать раз. Во время поездок по России он неизменно посещал церкви, читал Апостол и пел на клиросе чистым басом.

По важности для отечественной истории штурм Паскевичем Варшавы и посещение её русским царём относится к категории наиболее выдающихся событий за тысячу лет. По крайней мере, если считать с того дня, как в 1017 году польский король Болеслав Храбрый приходил воевать против князя Ярослава Мудрого вместе со Святополком Окаянным, убийцей своих братьев Бориса и Глеба. Король Болеслав двинулся на Киев, усилив войско немцами, венграми и печенегами.

В 1071 году с помощью другого польского короля, тоже Болеслава, женатого на дочери Ярослава Мудрого Доброгневе, сыновья Ярослава вернули себе Киев и отметили это событие грандиозным общерусским праздником. В мае 1071 года они перенесли в Вышгород мощи братьев «страстотерпцев» Бориса и Глеба – первых русских святых. Такого типа святых никогда не знала Византия. Отсюда начинается самобытное развитие Русской церкви. На поклонение в Киев к братьям Борису и Глебу собрались князья со всех концов России.

Кстати, когда в Москве воцарился Лужков, первое время на торцах высоток в направлении Поклонной горы можно было видеть фигуры Кутузова и другие напоминания о 1812 годе. Затем всё было залеплено «кофе-хаузами» и прочей рекламой.

Братья «страстотерпцы» должны появиться на торцах зданий, как и герои 1812 года – Багратион, Ермолов, Паскевич и командовавший при Бородине всем правым флангом русской армии «крылатый» любимец Суворова генерал Милорадович, убитый в спину ничтожными заговорщиками.

Никогда Русь не видела такой радости и такого духовного единства, как при освящении мощей братьев Бориса и Глеба.

Туманным утром на рассвете перед битвой 20-летнего князя Александра, ставшего Невским, братья-страстотерпцы явились русской дружине и воодушевили её перед сечей. Храм Бориса и Глеба стоит вплотную к ограде Рязанского десантного училища, являющегося кузницей православных героев. Фактически Борисоглебский собор, имеющий калитку в ограде десантников, считается их кафедральным собором. День Ильи-пророка тоже праздник десантников. Для воинов со столь нестандартным мышлением, как у крылатой пехоты, необходимо узаконить ещё одну святую дату десанта – день памяти князей Бориса и Глеба. Должны же у десанта, укоренённого особо в отечественной почве, быть и родные святые воины в качестве небесных покровителей. Для начала на весь торец одного из зданий училища должна появиться во всю стену знаменитая икона двух всадников – князей Бориса и Глеба. Последний как князь Муромско-Рязанский, земляк десантников.

Великой удачей для Русской земли оказалось то, что вовлечёнными в подавление польского мятежа оказались Русская императорская гвардия, лично сам государь Николай Павлович, великий воин князь Иван Паскевич и Александр Пушкин. В год подавления польского мятежа (1831) Пушкин получил от Чаадаева, которого книжные межеумки считают «западником», поразительной глубины письмо. Вот строки из него: «Я только что получил два Ваших стихотворения. Мой друг, никогда ещё Вы не доставляли мне такого удовольствия. Вот, наконец, Вы национальный поэт; Вы угадали, наконец, своё призвание. Не могу выразить Вам того удовлетворения, которое Вы заставили меня испытать. Мы поговорим об этом в другой раз подробнее. Я не знаю, понимаете ли Вы меня, как следует?»

Стихотворение «К врагам России» особенно изумительно; это я говорю Вам. В нём больше мыслей, чем их было высказано и осуществлено за последние сто лет в этой стране. Да, мой друг, пишите историю Петра Великого. Не все держатся здесь моего взгляда, это Вы, вероятно, и сами подозреваете; но пусть их говорят, а мы пойдём вперёд; когда угадал... малую часть той силы, которая нами движет, другой раз угадаешь её... наверное, всю. Мне хочется сказать: вот, наконец, явился наш Дант...».

Чаадаев в этом письме имеет в виду два стихотворения Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Ими он откликнулся на польские события.

Оба стихотворения Александр Сергеевич прочитал и царской семье. Рождение великого национального поэта произошло в грозное время в единении с августейшей семьей. То был единственный в истории мировой культуры случай, полный величия и торжества Православия.

Образованный слой был узок – мыслящий и того тоньше. Только горсть общенациональных учителей вроде Василия Жуковского, Петра Чаадаева и графа Сергея Уварова понимали происходящее в Европе и Варшаве во всей трагической глубине событий. Лучше всех понимал масштаб происходящего главный «змееборец» Европы царь Николай Павлович. Он прямо говорил, что парижские и варшавские мятежи – продолжение разрушительных идей, проявившихся в Петербурге в декабре 1825 года.

Участник Бородина великий военный мыслитель Карл фон Клаузевиц в разгар польского восстания в предсмертной записке отметил: «Горе нам, если Россия откажется от Польши и повернётся спиной к Европе. Тогда поляки и французы подадут друг другу руки на Эльбе. Ухода из Европы России страшится и Англия, тогда Россия перенесет своё внимание на Азию, а там до Индии рукой подать».

Светлейший князь Варшавский во главе императорской гвардии с государём по существу спасают Европу от хаоса и крови.

Пушкин полностью созвучен с государем: «Теперь время чуть ли не столь же грозное, как в 1812 году», – говорил он графу Е.Е. Комаровскому. С близкой ему по духу дочерью

фельдмаршала Кутузова Е.М. Хитрово он делится схожими мыслями. А в июне 1831 года напишет другу князю Петру Вяземскому: «Народы так и рвутся... Того и гляди, навяжется на нас Европа». В минуту опасности он чувствует, что призван военно-духовно возглавить нацию, и после письма Вяземскому пишет стихотворение «Перед гробницею святой». В этой песне поэт дерзновенно призывает князя Кутузова:

Встань и спасай царя и нас,

О, старец грозный, на мгновенье

Явись у двери гробовой,

Явись: вдохни восторг и рвение

Полкам, оставленным тобой.

Это июнь 1831 года. В августе появляется «Бородинская годовщина». Первые слушатели – царская семья.

Пушкин и царская чета почти ровесники. Император Николай только двумя годами старше поэта. Императрица Александра Фёдоровна и того меньше – она старше Александра Сергеевича на год. Она бывшая прусская принцесса Шарлотта, одна из красивейших и обаятельнейших женщин Европы по прозвищу «Белая роза». Царь впервые увидел её в Берлине в феврале 1814 года и полюбил на всю жизнь. Поэт Василий Жуковский, близкий друг царской семьи, обучал Белую Розу русскому языку, и культуре, и православию. Принцесса Шарлотта Гогенцоллерн станет императрицей Александрой Фёдоровной и матерью императора Александра Второго.

Наследники парижско-варшавских мятежников убьют её сына Александра II и правнука Николая Александровича. Пушкин знал, против кого воодушевлять русские полки. В 1845

году царица увидит и внука, будущего императора Александра III.

Родной брат Белой Розы принц Вильгельм в 1813 году семнадцатилетним офицером поднимет в штыки Калужский мушкетёрский полк и будет удостоен ордена Святого Георгия IV степени. Принц Вильгельм со временем возглавит после разгрома родины терроризма Франции объединённую Германию и войдёт в историю под именем императора Вильгельма Первого. Василий Жуковский будет наставником не только будущего государя Александра II, но и учителем великих княжон. Его любимица великая княжна Мария Николаевна напишет Жуковскому за границу в июне 1838 года: «Где Вы теперь? Бог знает. Но где бы Вы ни были, в каком краю или городе, верно, Вам не так хорошо, как мне: я ведь в Русской земле, святой земле для нас обоих». Эти строки подтверждают, что Василий Жуковский, учитель Пушкина, не только великий поэт, но ещё более великий православный учитель.

В ноябре того же года великая княжна пишет Жуковскому: «Да, Василий Андреевич, мой старый друг, друг с колыбели, не кажется ли Вам странным, что маленькая Мэри, упрямая, ленивая Мэри, так часто Вас сердившая, скоро пойдёт под венец?.. О, поздравьте меня от души. Вы не поверите, как я счастлива! Неужели идеал моего воображения – вечно оставаться в матушке России, в бесценной Родине, сделался явным».

Должно быть, великая княжна Мария Николаевна всегда хранила в сердце простые и непостижимые, как молитва, строки любимого учителя:

Там небеса и воды ясны!

Там песни птичек сладкогласны!

О, родина! Все дни твои прекрасны!

Где б ни был я, но всё с тобой

Душой.

Бог одарил Россию самой прекрасной на земле семьей – чистой и возвышенной семьей русского царя. Даже английский посол в Петербурге Лофтус, представляющий правительство вечного и тайного недруга России, вынужден был признать в 1840 году: «В императоре Николае было что-то удивительно величественное и внушительное; несмотря на суровый вид, он поражал пленительной улыбкой, и его манеры были очень приятны. Вообще это был человек благородный, великодушный человек, и все, близко его знавшие, питали к нему преданную любовь. Его суровость объяснялась не желанием быть жестоким, а убеждением, что следовало в то время управлять всем светом твёрдой, железной рукой».

Государь Николай Павлович свободно общался на четырёх языках. Каждый год в память подавления мятежа декабристов в дворцовой церкви служили молебны. Царь посещал верные ему в 1825 году Преображенский и Кавалергардский полки и христосовался с офицерами, как на Пасху, в знак избавления от козней дьявола и Воскресения Руси. Государь лично добился настоятельства в Сергиевой пустыни бывшего инженер-поручика Брянчанинова, который станет святителем Ставропольским и Кавказским, самым великим русским богословом и «возобновителем духовной жизни России». Так ещё раз подтвердится мысль историка русской церкви А.Карташова, что «Синодальный период – есть слава и гордость Русской церкви». Отец Синодального периода Великий Петр, «начало всего живого на Руси» (*Пушкин*). Император отдаёт в ведение Глинки хор государевых певчих дьяков, ставший Придворной капеллой. Хор, который поёт с 1479 года и по сей день больше полтысячелетия. Глинка поможет архимандриту Игнатию (Брянчанинову) совершенствовать хор обители.

Отдавая в руки Михаила Глинки лучший в мире хор, государь сказал ему: «Мои певчие известны по всей Европе и, следовательно, стоят, чтобы ты занялся ими. Только прошу, чтобы они не стали у тебя итальянцами». Обыкновенно государь сам экзаменовал певчих.

После Глинки хором будут руководить Балакирев и Римский-Корсаков. Последний

примет экзамен у Александра Васильевича Александрова, который до создания великого армейского ансамбля песни и пляски (вдумайтесь!) будет утверждён святым патриархом Тихоном главным регентом Русской Православной церкви, а позже станет регентом хора храма Христа Спасителя.

И вот Александров, который учился в Придворной певческой капелле, поющей с 1479 года, напишет в 1941 году гимн с отголосками петровских религиозных победных кантов, гимн-шествие «Вставай, страна огромная...», а через два года гимн Советского Союза на слова полтысячелетнего дворянина подполковника Сергея Михалкова. И в «Священной войне», и в гимне явственны 1000-летние мотивы песнопений, впитанные главным регентом Русской Православной церкви. Вот почему гимн на слова Жуковского «Боже, царя храни» и гимн Александрова – это одна 1000-летняя православная песнь о неборимости Святой Руси и царь Николай I один из столпов этой победной брани.

Таинственное присутствие религиозных мотивов в обоих гимнах вызвали бесноватое неприятие гимнов всеми богоборцами. Не менее опасны и плутоватые «мёртвые души», которые исполняют гимн перед «договорными» играми по футболу.

Когда после кругосветки в Петербурге появится епископ Камчатский и Курильский Иннокентий (Вениаминов), царь немедленно пригласит будущего апостола Сибири в Зимний дворец, чтобы он рассказал царице, великим князьям и княжнам о своих приключениях на Алеутах, где приход отца Вениамина находился на шестидесяти островах среди туманов в вечно бушующем море.

13 октября 1832 года родился великий князь Михаил Николаевич. Василий Андреевич Жуковский поздравил императрицу, свою ученицу, с рождением сына. Государыня, отвечая на поздравления поэта, писала: «Да! Это была действительно радость и остаётся таковой, наполняя меня счастьем иметь четырёх сыновей, счастьем пока только сладостным, а впоследствии очень серьёзным, когда подумаешь о том, чем должны стать эти четыре Великих князя русских. Чтобы быть достойными и своего Отечества, и имени русского, а равно и оправдать ту радость, которая окружила их с колыбели...».

Императрица, женщина возвышенной чистоты, обаяния и верности. Первый день царствования её супруга 25 декабря 1825 года стал днём мятежа и жестоких испытаний. Таков был жребий помазанного рыцаря. Николай I до последнего вздоха сражался с

международным направляемым террором. Проницательный германский канцлер Бисмарк заметил: «Держать государства под угрозой революций древнее ремесло Англии». Князь Бисмарк был решительным сторонником союза трёх монархий Германии, России, Австрии.

После разгрома мятежа предателей-декабристов Николай I посылает войска на Кавказ, где уже не первое столетие орудуют английские агенты. Главные их гнёзда в Константинополе и Варшаве.

После Польши он двинет стотысячную армию в мятежную Венгрию. Римский престол будет его неизменным союзником. Потерпев неудачу на Кавказе и в Европе, злейший враг России английский премьер Пальмерстон организовал коалицию из Турции, Сардинии, подручной Франции Наполеона III, и пошёл на Россию открытой войной, чтобы, как он выражался, расчленил Россию и отбросить её за Урал. До этого Альбион был в непрерывной войне с князем Потёмкиным-Таврическим.

Все эти годы Белая Роза была рядом с супругом. Царь сумел с Божьей помощью создать самую крепкую, верную и святую семью в истории России. Но даже она будет оклеветана. Всего-то через десять лет после кончины императора Николая, беззаветно любившего Россию, стали проектировать памятник 1000-летия России. Почему-то эту важнейшую работу поручили Микешину, которого кто-то успел внедрить в царскую семью как учителя живописи. В бронзе следовало воплотить 1000 лет державы и жизнь сорока поколений. Верховодить в этой невероятной важности работе стал малоизвестный Микешин, который наотрез отказался включать в число предполагаемых фигур памятника не кого-нибудь, а самого императора Николая Первого – спасителя России. Ни в какой стране подобное было бы немыслимо. Дошло до того, что на аудиенции у императора Александра II государь допытывался у Микешина, отчего тот «не желает батюшку взять?». Монарх спросил с робкой застенчивостью вместо того, чтобы велеть взять за шкуру распоясавшегося холопа и выкинуть его из мастерской.

Львиная доля исполнения памятника 1000-летия России была выполнена одарённым и беззаветным скульптором Шредером. Микешин не был скульптором, но умудрился предать Шредера, когда пришло время пожинать лавры. Однако памятник 1000-летия России появился и без фигуры Ивана Грозного, ненавидимого либералами. Никто не избежал клеветы, легкомыслия и предательства.

У Микешина в мастерской обретался Тарас Шевченко с какой-то клинической ненавистью к русской знати, русским царям и любым проявлениям русского величия. В виршах Шевченко позволял себе такие оскорбления по отношению к семье государя, и особенно императрице, что невозможно это воспроизвести. Наступило на Руси время предательства и осмеяния всего высокого. Симптомы этой смертельной страсти к самоуничтожению уловил уже Пушкин. В набросках к статье о Радищеве за 1833 год он записал:

«Ныне нет мнения народного; ныне бедствия или слава Отечества не отзываюся в этом сердце России. Грустно было слышать толки московского общества во время последнего польского восстания, – гадко было видеть бездушных читателей французских газет, улыбающихся при вести о наших неудачах» (*«Русская старина», 1884 г., декабрь; ст. 516*). Первенцем этих инспирированных настроений было «Горе от ума» Грибоедова. Не зря «читатели французских газет» пытались разглядеть в образе Скалозуба генерала Паскевича, презиравшего декабристов, в отличие от автора.

Таково же суждение Пушкина о московском обществе в период, весьма волновавший поэта, – очередной французской проказы (революции 1830 года). Он с горечью поведал тогда в письме близкой ему по духу дочери М.И. Кутузова К.М. Хитрово 21 августа 1830 года: «И среди этих орангутангов я принужден жить в самое интересное время нашего века».

В другом месте Пушкин замечает: «Я без прискорбья не могу видеть уничтожения наших исторических родов... Прошедшее для нас не существует. Жалкий народ».

Мы знаем, что у Пушкина не бывает случайных ни суждений, ни даже слов. «Улыбающиеся при вести о наших неудачах» не сойдут со сцены до самого 1917 года, когда, набранная из них шайка думских февралистов и генералов принудит государя к отречению. А образ «орангутангов» всплывёт вновь. «Один слышу обезьяний гик» – лейтмотивом пройдёт по статье А.Ремизова «Слово о гибели Русской земли», опубликованной в литературном приложении к газете «Воля народа» (□ 2 от 31 декабря 1917 года), редактором М.М. Пришвиным. 14 ноября 1917 года в Москве хоронили кадет и юнкеров, захвативших Кремль.

«В плену у обезьян» озаглавит свою книгу полковник Фёдор Винберг, шталмейстер

Высочайшего Двора. Полковник Винберг был арестован большевиками. В Петропавловской крепости он даже под угрозой смерти отказался подписать бумагу, что в обмен на освобождение отказывается от борьбы с большевиками. В Великую войну командовал конным полком. Озадаченные неслыханным идеализмом монархиста Винберга большевики в марте 1918 г. выпустили его на волю.

Полковник Фёдор Винберг состоял членом Русского Собрания, Союза Михаила Архангела, Филаретовского общества и был одним из руководителей «Союза Воинского Долга», ставящего задачей «восстановление благородного духа Русской армии».

Винберг уехал в Киев. В декабре 1918 г. полковник Винберг возглавил 2-й отдел в дружине генерала графа Фёдора Келлера. Последнему благословение от патриарха Тихона привёз великий епископ Камчатский Нестор.

Винберг прославился бесстрашной обороной от бухгалтера и сына полтавского извозчика Петлюры Педагогического музея. В Петропавловской крепости вёл дневник. В 1922 году он опубликовал его под названием «В плену у обезьян». В 1927 году полковник Винберг умер от разрыва сердца.

Другой императорский гвардеец и выпускник Царскосельского (Александровского) Лицея великий поэт Сергей Бехтеев посвятил стихи полковнику Винбергу. Как поэт, лицеист и пламенный монархист Бехтеев прямой наследник Пушкина. Он прожил жизнь вдохновенным и замкнутым монахом в миру. Получить от Сергея Бехтеева стихотворное посвящение стало признаком высочайшего избранничества.

И полковник Винберг, и граф Келлер оказали решающее влияние на создание Булгаковым в «Белой гвардии» образа гусарского полковника Най-Турса, который ложится к пулемёту и ценой своей жизни обеспечивает спасение юнкеров. Сталин около двадцати раз ходил в театр на пьесу «Дни Турбиных», величайшую пьесу в истории мирового театра. Надо напомнить обстоятельства её возникновения – Мейерхольд в это время в театре своего имени ставил «Бориса Годунова», где бояре давили вшей и даже голыми упали с антресолей вместе с занавесом. Сталин не ходил на пьесы Мейерхольда, что вызывало у режиссера крайнее озлобление и на Сталина, и на Булгакова.

Написав в 1925 году в расстрельной Москве «Белую гвардию», превращённую в «Дни Турбиных», дворянин и белогвардеец Михаил Булгаков стал самым бесстрашным и одарённым человеком века. Схожий подвиг совершит «Тихим Доном» казак Михаил Шолохов. Их дело завершит «Котлованом» Андрей Платонов.

Из ссылки в Михайловское Пушкин вернулся убежденным монархистом. С годами поэт укреплялся в православии и монархизме, что было признаком подлинного аристократизма духа и русского чекана души, что сразу засекали недруги России и доморощенные «орангутанги».

В 1830 году на Россию навалилась эпидемия холеры. Дабы поддержать охваченный паникой народ, Государь прибыл в Москву и сразу проехал к Иверской часовне. Царя встретил митрополит Московский свт. Филарет (Дроздов), которого современники называли «природным патриархом Российским». Святитель Филарет встретил Государя словами: «Благословен грядый на спасение града сего».

Белокаменная казалась вымершей и подавленной. Но весть о приезде царя как бы воскресила столицу. Народ знал, что Государь любит жену и детей беззаветно. И вот он оставил семью, чтобы подбодрить москвичей. Митрополит заметил в своём слове к верующим и царю: «Такое царское дело выше славы человеческой, поелико основано на добродетели христианской... С крестом встречаем тебя, Государь» Во дворце, где остановился царь, несколько слуг умерли от холеры.

Царь, как велит закон, одиннадцать дней пробыл в карантине и 20 октября 1830 года прибыл в Петербург. Пушкин был той осенью в Болдине и тоже в карантине. Весть о пребывании царя в холерной Москве мгновенно достигла Болдина. Пушкин сразу откликнулся на поступок царя стихотворением «Герой». Оно было без подписи опубликовано в «Телескопе» Надеждина. В этом стихотворении рассказывается о посещении Наполеоном в Яффе лагеря с чумными больными. В стихотворении друг автора сомневается в правдивости поступка Наполеона. Тогда автор неожиданно завершает стихотворение с посланием другу «Утешься» и сразу после этого слова проставлена дата «29 сентября 1830 г., Москва».

Посещение Наполеоном чумного лагеря в Яффе оказалось вымыслом. А вот посещение Потёмкиным, и в другой раз святым адмиралом Ушаковым, монахом в миру, чумных барачков Херсона есть чистая правда. Пушкин, коли он знал бы об этом, вряд ли

вспомнил бы экзотическую Яффу.

После гибели Пушкина М.П. Погодин, которому Пушкин доверил публикацию, вспоминал о письме к нему Пушкина со словами: «Напечатайте, где хотите, хоть в Ведомостях, но прошу Вас и требую именем нашей дружбы, не объявляйте никому моего имени...»

Такова страна и нравы, Великий поэт опасается травли со стороны «орангутангов».

Ни один человек на свете не написал о русской поэзии проникновеннее и глубже, чем Гоголь. Потому мимо него не могло пройти такое явление, как два стихотворения Пушкина, посвящённых Государю Николаю Первому.

Вот что написал Николай Васильевич о пушкинских стихах, посвящённых Государю: «Только по смерти Пушкина обнаружили его истинные отношения к Государю и тайны двух его лучших сочинений («Герой» и «К Н.»). Никому не говорил он при жизни о чувствах, его наполнявших, и поступал умно... Пушкин высоко слишком ценил всякое стремление воздвигнуть падшего. Вот отчего так гордо затрепетало его сердце, когда услышал он о приезде Государя в Москву во время ужасной холеры, – черта, которую едва ли показал кто-то из венценосцев и которая вызвала у него эти замечательные стихи».

Неустрасимость являлась стержнем натуры Государя Николая, которую он явил ещё в декабре 1825 года. Замечательно, что на мужественный поступок царя откликнулся в октябре 1830 года и лицейский друг Пушкина барон Дельвиг стихотворением «Утешитель», где есть замечательные строки:

Петров потомок, Царь, как он

Бесстрашный духом, скорбный сердцем,

Летит, услыша русский стон,

Венчаться душ их самодержцем.

Варшава пала 26 августа 1831 года. 5 октября Пушкин написал «Бородинскую годовщину». Во дворце состоялся молебен в честь русского оружия. После молебна царь подошёл к Пушкину и поблагодарил за стихи, кои на самом деле великая национальная песнь.

Тем временем холера продолжала свирепствовать. От неё умер Великий князь Константин Павлович и фельдмаршал Дибич, герой 1812 года. Теперь заболел верный генерал Бенкендорф. Царь много раз посещает больного Бенкендорфа. Тем временем мятеж польских заговорщиков ещё не был подавлен, когда вспышка холеры посетила Петербург. Начались буйства встревоженного населения, которое ещё заражали зловещими слухами. Император на площадь въехал смело, прямо в гущу гудящей толпы и, стоя в экипаже, обратился к горожанам. Голос у Государя был зычный и чистый. Он сказал подданным: «Стыдно народу русскому, забыв веру отцов своих, подражать буйству французов и поляков. Но здесь учинено злодейство, здесь прогневали мы Бога. Обратимся к церкви! На колени, и просите у Всемогущего прощения!» Площадь упала на колени и истово стала креститься! Царь сказал народу, что отвечает перед Богом за сохранение мира и братства среди подданных: «Сам лягу, – сказал царь, – но не попушу. И горе ослушникам!» – завершил Государь своим громopodobным басом. Ответом было «Ура!» Постепенно волнения в столице утихли.

Пушкин в эти дни пребывал в Царском Селе и ловил слухи из столицы. Тогда же он написал П.А. Осиповой, одной из умнейших женщин Европы: «Времена очень грустны. Эпидемия свирепствует в Петербурге. Народ бунтовался несколько раз. Нелепые слухи получили распространение. Говорили, что враги отравляют народ. Двое из них были убиты беснующейся толпой. Император явился среди бунтовщиков. Мне пишут: «Государь говорил с народом. Чернь слушала на коленях – тишина – один царский голос, как звон святой, раздавался над площадью».

Мужества и дара слова ему не занимать, на этот раз бунт усмирён; но беспорядки потом возобновились. Быть может, придётся прибегнуть к картечи».

Начало 30-х годов отметились вспышками страшных эпидемий в двух русских столицах и мятежами в Варшаве и на родине мирового терроризма в Париже. В этих грозных событиях возмужает дух Пушкина и обретёт окончательный русский монархический закал, отлитый в стихах, вызвавших восторг сдержанного и глубокомысленного Чаадаева. Годом ранее Пушкин побывал под Эрзерумом, где в офицерской палатке читал «Бориса Годунова» и общался с генералом Паскевичем, уже графом Эриванским. Теперь он воспел Паскевича, уже князя Варшавского и наместника Царства Польского. И, кажется, он единственный, кто осмелился воспеть доблестного Паскевича в «Бородинской годовщине»:

Победа! Сердцу сладкий час!

Россия! Встань и возвышайся!

.....

Могучий мститель злых обид.

Кто покорил вершины Тавра,

Пред кем смирилась Эривань,

Кому суворовского лавра

Венок сплела тройная брань.

Этими песнями Пушкин не только вырос в исполинский рост общенационального поэта, но и, бросив вызов клеветникам России, вступил в открытую и беспощадную сечу за честь России, которая кончится боем у Чёрной Речки.

В 1832 году в Варшаве появился ещё один малороссийский дворянин и потомок запорожцев, великий воин генерал Николай Сулима. Он возглавит в Варшаве Уголовный суд. Сулима связал все поколения. На следующий год после гибели Потёмкина он в 15 лет наденет мундир Лейб-гвардии Семёновского полка. Сподвижник князя Багратиона Сулима будет тяжело ранен при Аустерлице. При Бородине генерал Сулима не посрамил предков и кончил 1812 год с орденом Св. Георгия III степени. Битва народов под Лейпцигом (1813 г.) принесёт ему золотое оружие «За храбрость». Штурм Парижа (1814 г.) увенчает грудь 37-летнего генерала Сулимы алмазными знаками к ордену Св. Анны I-й степени.

До Варшавы Сулима успел побывать в должности губернатора Восточной и Западной Сибири. В польскую столицу на место казни малороссийских атаманов генерал Сулима явился с двумя золотыми саблями «За храбрость», усыпанными алмазами.

Генерал Сулима, как и князь Паскевич, поднявшийся благодаря верности общерусским идеалам на вершину мировой славы, оказались, как у нас водится, забыты. Как заметил с горечью Пушкин: «Прошлого для них не существует. Жалкий народ».

«Вера – удел душ благородных» – утверждал Златоуст. Соответственно, безверие – признак угасания и вырождения. Не зря же малороссийский мыслитель Григорий Сковорода уподоблял атеиста ядовитому насекомому. Атеисты взяли на вооружение любимую формулу нечистого: «бытие определяет сознание». Теперь, чтобы «пипл хавал» и нахваливал, её чуть видоизменили и внушают ту же формулу рыночного оскотинивания и внедряют дуракам в подкорку, что, якобы, экономика определяет политику».

Чуткие и глубокие умы всегда чувствовали спасительность и высоту веры. Придут последние времена, и Василий Розанов запишет 9 декабря 1911 года:

«Религиозный человек выше мудрого, выше поэта, выше победителя и оратора. «Кто молится, победит всех, и святые будут победителями». Иду в Церковь! Иду! Иду!..»

Лучшие мгновения своей истории, мгновения мирового порядка, малороссы пережили в единении с великороссами и белорусами. Эти вершины пришлось на 1812-1814 и на 1941-1945 годы. Но уже в пушкинское время грозные признаки атеистического вырождения давали о себе знать мятежами с 1825 по 1831 годы. Жуковский, Пушкин и величайший из малороссов Николай Гоголь осознали это раньше всех. «Выбранные места из переписки с друзьями» гениальный ответ Гоголя на эту бубонную угрозу. Друг Пушкина Плетнёв, ректор Петербургского университета, назвал «Выбранные места» началом собственной русской литературы. Провидец Гоголь видел наступление зла на Россию. «Ныла душа моя, говорил он, – когда я видел, как много тут же, среди самой жизни, безответных мёртвых обитателей. Страшных недвижимым холодом души своей и бесплодной пустыней сердца».

Писатель Г.П. Данилевский рассказал, как они с профессором Московского университета Осипом Бодянским, предтечей самостийников, в 1851 году в гостях у Гоголя завели речь о поэзии Шевченко, на что Гоголь негромко, но прямо проговорил: «Дёгтю много, и даже прибавлю, дёгтю больше, чем самой поэзии». Если ложка дёгтя портит целую бочку меда, то что же происходит с поэзией, где «дёгтю больше, чем самой поэзии»? Таково воздействие безбожия. В отличие от своих гостей «самостийников» Гоголь знал, что поэт-безбожник для любого народа есть национальная катастрофа. Мнение Гоголя о Шевченко тщательно скрывают от школьников и студентов Украины.

Гоголь тогда же пояснил своё понимание исторической стратегии для каждого малоросса. Обращаясь к Бодянскому, он сказал: «Нам, Осип Максимович, надо писать по-русски, надо стремиться к поддержке и упрочению одного владычного языка для всех родных нам племён. Доминантой должна быть одна святыня – язык Пушкина».

Те, для которых «бытие определяет сознание», став, по Григорию Сковороде, насекомоподобными, забыв родные святыни и расстрельные безвестные полигоны, перебирают лапками и миллионными скопищами бегут на секстуры за кордон в

турецко-египетские водоёмы. Они, выражаясь словами святых отцов, «яко пружи, имея малые крыльца, а чревище великое», позорят за рубежом оставленную родину или сбегаются на киевские майданы и московские болотные площади, чтобы требовать лучший харч и бытие. «Пружи» – так в старину называли рыжих тараканов «пруссаков».

Авторы проекта «украинство» сделали всё, чтобы на гривны попали портреты Мазепы и Шевченко, но только бы не Гоголя. Ведь Гоголь не позволил бы родным малороссам бросать в тяжкое время на произвол судьбы белорусов и великороссов, лишь бы первыми добежать до европейского харча, а саму Европу одарить турецким словом «майдан» и турецкими же необъятными шароварами. Об этом ли «русском товариществе» вещал с костра бесстрашный мученик – атаман Тарас Бульба?

Действовал на Руси ещё один полтавский дворянин со сталью серых глаз – это генерал Михаил Дроздовский, чьи офицерские психические атаки наводили ужас на красных. Дроздовского в 1919 году Ростов хоронил, как национального героя. Он вошёл в ряд таких былинных героев, как генералы Корнилов, Каппель, Кутепов, Марков. Страшно представить себе, что бы сделал генерал Дроздовский с горлопанами с киевского майдана, окажись он там с «дроздовцами».

Для пущей наглядности судьба одарила нас известными спортивными братьями Кличко и Емельяненко. «Однорукие» братья Кличко, здесь «однорукие» не минус, а напротив – плюс, ибо братья «одной левой» да «джебом» хладнокровно и расчётливо смели с мирового ринга всех чернокожих тяжеловесов, которые десятилетиями прямо-таки приватизировали мировой боксёрский пьедестал. Удачливого старшего Кличко втокнули в майданную политику, и он заговорил на ломаных украинском и английском, не утруждая себя фантазией, партию назвал «Удар». Фёдор Емельяненко в мировых смешанных единоборствах приобрёл у своих соперников уважительное прозвище «Император». Это редчайшее имя дано было ему за благородную манеру ведения боя, сдержанность и достоинство. Для братьев Кличко монархический титул практически недостижим. И не только потому, что они, в отличие от Емельяненко, лишены боевой элегантности, но главное – Емельяненко как человек религиозный духовно недостижим для братьев-боксёров и потому «Император» Емельяненко ближе к нравственному складу Гоголя. Ни один из братьев Кличко не будет «императором» – такова власть боевой эстетики.

Майдан не верит в суд Божий, он верит суду евромошны, ибо «крыльца малые, а чревище великое». К тому же «пломбированные» друзья России, большевики, одарили их половиной территории после 1917 года, и с этим добром им теперь не терпится

затаиться в Евросоюзе.

Майданщики норовят утащить с собой и Крым, и Донбасс, и земли Всевеликого войска Донского. Владимир Даль, один из великих сынов России, создатель «Толкового словаря живого Великорусского языка», подписывал свои литературные произведения псевдонимом «Казак Луганский». Он и в страшном сне не мог предвидеть, что Луганск и его казаки окажутся в чужой, враждебной стране. Когда майданщики валили памятник Ленину, преисподняя сотрясалась от хохота. Ведь самостийники валили «отца родного», который отвалил им Измаил, Одессу, Донбасс, Херсон, Николаев, чтобы навеки поссорить с русскими. Кстати, Тарас Шевченко относился к Владимиру Далю, другу Пушкина, с какой-то неутолимой ненавистью.

С чего бы это? После разговора с Далем Шевченко в дневнике назвал «Апокалипсис» «боговдохновенной чепухой». Дневник он вёл только на русском языке. Шевченко с благоговением облобызал первый увиденный им номер «Колокола» Герцена. Ещё в 1847 году Шевченко вместе с русофобом Костомаровым входил в Кирилло-Мефодиевское общество, которое иногда называют «Ложей». Они ставили задачей объединение левацких славян Европы. Отсюда и наши маниловы-славянофилы. Власть разгромила кирилло-мефидиевцев. Царь тогда сказал: «Пока я жив, революция меня не одолеет».

Мы много раз касались Бородинской годовщины, уместно здесь привести суждение героя Бородина, командира Гренадёрской бригады генерала Александра Писарева, автора работ по искусству. Портрет генерала Писарева украшает галерею героев 1812 года Зимнего дворца. Он пишет: «Упадок словесности означает слабость воображения, слабость воображения означает уменьшение способности ума; с уменьшением способности ума уменьшаются все способности души и сердца и человек – пресмыкается». Другими словами, отрастают «крыльца малые, чревище великое» и человек идёт не в Печерскую Лавру, а бежит на майдан. Русскоязычные «прузи», забыв родные святыни, бегут в иноверные страны полоскать плоть в южных морях, забыв о родных святынях.

* * *

После рождения третьего сына императора Павла I 23 июня 1786 года в тот же день императрица Екатерина Великая написала своему всегдашнему корреспонденту барону Гримму:

«Великая княгиня родила большущего мальчика, которого назвали Николаем. Голос у него – бас, и кричит он удивительно; длиною один аршин без двух вершков, а руки немного меньше моих. В жизнь свою в первый раз вижу такого рыцаря. Если он будет продолжать так, как начал, то братья окажутся карликами пред таким колосом».

Через несколько дней счастливая венценосная бабушка отписала тому же Гримму: «Рыцарь Николай уже три дня кушает кашку, потому что беспрестанно просит есть. Я полагаю, что никогда восьмидневный ребёнок не пользовался таким угощением, – это неслыханное дело. У нянек просто опускаются руки от удивления. Он смотрит на всех во все глаза, голову держит прямо и поворачивает не хуже моего»

6 июля он был крещён духовником государыни, и счастливая бабушка преподнесла внуку икону Божией Матери Путеводительницы (Одигитрии).

Трудно представить, что императрица, деятельная и полная энергии, через несколько месяцев уйдёт из жизни. Она до конца осталась верна памяти Светлейшего князя и намеревалась завершить царствование освобождением Константинополя от неверных.

Её внук, император Николай I, тридцать лет железной рукой управлял страной. В его царствование русские воины впервые подошли в 1829 году к предместьям Царьграда в Андрианополе, но Альбион – злейший враг – снова помешал вернуть православную святую Софию и Босфор. Все тридцать лет Николай I не покидал бруствера под прямым и тайным огнём недругов.

Одинокий православный витязь государь Николай Павлович не мог одолеть попущенного Богом зла, но удерживал его своей волей и благодатью. Против русского царя Альбион начал всеобъемлющую войну, прозванную «Крымской». Бои шли на Белом море, под Петербургом, на Камчатке и в Малой Азии. Редуты Севастополя возводились по чертежам императора-инженера. В плане военно-духовном безраздельная победа была за Россией. Мы вновь позволили врагам внушить нам обратное. Свт. Иннокентий

(Борисов), архиепископ Херсонский, выдающийся богослов, бесстрашно кропил пушки моряков на бастионах под непрерывным огнем. Другой свт. Иннокентий (Вениаминов) был вовлечён в войну в районе Охотска. В Кронштадте начал служить будущий Всероссийский пастырь Иван Сергиев (Кронштадский).

Выдающуюся роль в обороне Петербурга сыграл талантливый математик и морской офицер Николай Путилов. Сконструированные и построенные им канонёрки дали отпор английскому флоту. Путилов, гениальный предприниматель, создал Путиловский завод – оплот русской промышленности. Император Александр II при кончине Путилова скажет: «Я бы похоронил Путилова в усыпальнице царей в Петропавловском соборе, если бы он пожелал».

Креативные и вороватые мыши внедрились в русский язык мерзкое для Руси слово «бизнес». Со времен Строгановых полтысячелетия Россия выставила лучших в мире предпринимателей. Чтобы разорвать традицию народную, «пиплу» внедрились в подпорку сначала скорпионообразное слово «спонсор», а потом «бизнес». Ни того, ни другого слова на Руси никогда не существовало. Сейчас власть и даже Церковь на либерально-расслабленном телеканале «Союз» употребляют эти богомерзкие слова, наряду с мёртвыми словами «субъект» и «регион».

В той, «Крымской», войне последнее слово осталось за Россией. Генерал Николай Муравьёв взял Карс – твердыню Малой Азии и стал «Карским». Его воодушевлял свт. Игнатий (Брянчанинов) против «врагов человечества англичан», как он писал Муравьёву-Карскому. Последний после штурма Карса сказал воинам: «Вам я обязан счастьем обрадовать сердце царя». Николай I не дожил до падения Карса. Уже правил его сын, ученик Жуковского, Александр II.

В Москве воодушевлял паству свт. Филарет (Дроздов), «природный патриарх России», как называли митрополита современники. Создатель Оптиной Пустыни св. Макарий (Иванов) ненадолго пережил потерю Севастополя и умер от огорчения.

Мы только что перечислили полдюжины великих русских святых, вовлечённых в войну, которую вел император Николай I и святые герои Севастополя. Такое количество светочей Православия мог дать только великий Синодальный период, сотворённый Великим Петром. Ни один русский святой и особенно многознающий свт. Филарет не были сторонниками восстановления патриаршества. Им был достаточен Катехон

(Удерживающий) для благоденствия Святорусского царства. Свт. Филарет знал, что патриарх нужен либералам как таран против монарха, подобный Никону.

Парад в Париже в 1814 году открыли гвардейские казаки и прусские кирасиры – цвет обеих монархий. Перед кончиной император Николай Павлович пожелал быть похороненным в мундире Лейб-гвардии Его Величества Казачьего полка, части, абсолютно не запятнавшей себя изменой в декабре 1825 года. Государь просил положить ему в гроб Икону Божией Матери Одигитрии, которой его благословила при рождении Екатерина Великая.

В самом главном измерении – в духовно-героическом, Россия не проиграла Крымскую войну, а возвысилась над своими врагами. Войну врагу, как водится у нас, проиграли наши историки, публицисты и писатели. Свт. Иннокентий (Борисов), участник той войны, посмотрел на события религиозно и сказал, имея в виду Крым: «Страна сия – часть России. Вставлена в Россию рукой самого Провидения и нет врага, могущего её отторгнуть: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19,6). Эта мысль святого Иннокентия сверхактуальна сегодня и для Москвы, и для Киева. Оранжевая самостийность дело антирелигиозное и нечестивое.

Идея духовной победы России в Крыму нашла отражение у вовсе невоинственного поэта А.Апухтина в 1869 году в его «Солдатской песне о Севастополе»:

...Я спую, как росла богатырская рать,

Шли бойцы из железа и стали,

И как знали они, что идут умирать,

И как свято они умирали!

Как красавицы наши сиделками шли

К безотрадному их изголовью,

Как за каждый клочок нашей русской земли

Нам платили враги своей кровью.

И одиннадцать месяцев длилась резня,

И одиннадцать месяцев целых,

Чудотворная крепость, Россию храня,

Хоронила сынов её смелых...

Пусть нерадостна песня, что вам я пою

Да не хуже то песня победы,

Что певали отцы в Бородинском бою,

Что певали в Очакове деды.

Так войну не проигрывают. Крымская или Восточная война, безраздельная победа Святорусского царства и чудотворной крепости Севастополя, заложенного светлейшим князем генерал-адмиралом Потёмкиным-Таврическим. В этом ключе принадлежность Крыма и Севастополя кому угодно, кроме России, богопротивно, богохульно и нестерпимо оскорбительно. Не менее позорно, что в городе и флоте, созданном князем Потёмкиным, нет ему памятника, человеку, кто, по слову Державина, «покрыл Понт Чёрный кораблями».

Здесь, как и всюду, все беды от слабой памяти, которая приводит к неминуемому слабоумию, утрате отеческой религиозной традиции и совести. Известно, ещё боги тщетно боролись с человеческой глупостью.

* * *

По преставлении святого Иоанна Кронштадского (Ивана Сергеева), всероссийского молитвенника и чудотворца мы в XX столетии не имеем отцов, равных великому протоиерею Иоанну Восторгову и святителю Иоанну (Максимовичу), митрополиту Шанхайскому и Сан-францисскому, духовному отцу Малой, Белой и Великой России. На его фоне все митингующие площадные горлопаны Киева и Москвы кажутся мелкими козявками с «чревищем великим», все эти тимошенки, яценюки, кличко и тягнибоки и

иже с ними болотные собчачки, быковы, немцовы, удальцовы, охваченные майданным бешенством.

Свт. Иоанн (Максимович) – представитель столбового малороссийского дворянского рода Максимовичей, давшего Руси двух святых митрополитов. Первого из них, митрополита Тобольского, канонизировал святой государь Николай II в 1916 году вопреки сопротивлению окружения.

В следующем абзаце сверхважно каждое слово. Итак. В 1909 году будущий святитель Иоанн воспитанником Петровско-Полтавского кадетского корпуса на поле Полтавской битвы в день 200-летия сражения встречал государя Николая II и премьер-министра Петра Столыпина. Полтавскую Викторию, на которой Великому Петру прострелили чёрную офицерскую треуголку, он называл «Русским Воскресением».

Почему здесь значительно каждое слово? Во-первых, после сухопутной баталии царь получил очередное морское звание контр-адмирала, ибо победа стратегически была морской. Она решила окончательно морскую судьбу России и её столицы Санкт-Петербурга – самого русского и православного города на земле. В годовщину Полтавы царь надевал неизменно простреленную треуголку. Во-вторых, не случайно два великих новомученика – Николай II и Столыпин – вместе на поле «Русского Воскресенья». В-третьих, в 2009 году «Рашн Федерейшн» не отметила 300-летие Русского Воскресенья, как не отметила 200-летие в 2000 году генералиссимуса князя Суворова, признанного в 1900 году, в годовщину 100-летия «Русским Архистратигом». Наконец, не случайно на поле «Великого Воскресенья» Господь свел великих мучеников тысячелетия с будущим святителем из рода Максимовичей. Один из них – друг малоросса Гоголя – Михаил Александрович Максимович посещал с писателем святого старца Макария в Оптиной Пустыне.

В 1909 года поле Русского Воскресенья под Полтавой увидело двух мучеников – Николая II и премьера Столыпина, великих подвижников 1000-летия. Государь Николай Александрович был в подвале Ипатьевского дома предан с семьёй и слугами мучительной и долгой казни. Их расстреливали два часа, истратив 700 патронов. Даже после этого некоторые из убиваемых проявляли признаки жизни. Царевен докалывали штыками.

На великого государственного мужа Петра Столыпина было совершено одиннадцать

покушений. Во время взрыва, устроенного изуверами на Аптекарском острове в августе 1906 года, убито было 24 человека. Дочери Наташе раздробило ноги. Сын был тяжело ранен. Царь просил Столыпина вместе с семьёй переехать к нему в Зимний дворец.

Петр Столыпин, сын генерал-адъютанта Аркадия Столыпина, героя Крымской войны, двоюродный правнук Лермонтова, внук канцлера князя Горчакова, лицейского друга Пушкина, женатый на правнучке Суворова, князя Итальянского. При таких родовых связях сильный ум, высокое сердце и железный характер. Совокупность подобных данных была невыносима для ненавистников России, и они решили лишить его жизни во что бы то ни стало. Два таких светоча 1000-летия, как государь Николай II и премьер его правительства Столыпин, явились светлomu взору кадета Максимовича на поле Русского Воскресения

Митрополит Сан-францисский Иоанн (Максимович) на память святого царя Николая произнёс слово: «Кровь его на нас», которое в XX столетии осталось непревзойдённым по духовной высоте и силе мысли. В нём он выразил идею, недостижимую как для кабинетных «прузи» Брюсселя, Киева, Москвы, так и для площадных витий. Святитель пишет: «Для возрождения России напрасны все политические и программные объединения. России нужно нравственное обновление русского народа».

Под «Россией» святитель подразумевает не «Рашн Федерейшн», а Святую Русь – Малую, Белую, Великую.

Слово по царю-мученику святитель Иоанн произнёс в 1948 году, в день 30-летия гибели царской семьи. Он говорил: «Под сводом екатеринбургского подвала был убит Повелитель Руси, лишённый людским коварством царского венца, но не лишённый Божьей правды священного миропомазания».

Святитель в том слове сказал: «Россия знала великого Преобразователя Петра I, но если припомнить все преобразования Николая II, то мы не знаем, кому отдать предпочтение... Иоанна Калиту, Иоанна III Россия знала как собирателей России, но до конца довёл их дело Государь Николай II, когда в 1915 году вернул России, хоть и на короткое время, всех её сынов. Государь Всероссийский – он первый и единственный был Царём Всероссийским».

Память о присоединении Галиции выдаёт в святителе Максимовиче памятливого и благороднейшего малоросса. Подобная национальная зоркость почти немыслима в среде великорусских иерархов, заражённых «всемирностью» и неизбежной за ней денационализацией. Не зря великий Победоносцев уличал своего приятеля Достоевского в еретизме.

Вспомним ещё раз, как писал император Николай I князю Паскевичу в феврале 1848 года: «Но ежели хотят австрийцы променяться и отдать мне Галицию взамен всей Польши по Взуре и Висле – отдам, и возьму Галицию сейчас, ибо наш старый край...» Император Николай помнил об общерусском отечестве, и святитель Иоанн (Максимович) помнил, а теперь попробуйте найти хоть одного русского иерарха или писателя из великороссов, кто бы помнил об отторгнутой Галиции: «наш старый край».

Не в этом ли беспамятстве тайна гибельности нашего бытия. Если, по Златоусту, «вера – удел душ благородных», то любое снижение веры в высокое и утрата благоговения, которое неточно перевели как «страх Божий», первейший признак низких натур, потому что они лишены воспоминаний. Отсутствие воспоминаний есть форма духовной кастрации и превращения в «прузи». При этом человек может иметь феноменальную память и даже выдающиеся исследовательские способности, однако без исторических волнующих воспоминаний душа мертвеет и рождаются гоголевские «мёртвые души». Не зря Пушкин говорил, что «воспоминание сильнейшая способность души».

В Европарламенте, набитом религиозными и этническими кастратами, нет ни одного европейца, как нет их на майданах Киева и на болотных площадях Москвы.

Европа истинная – это цистерианские монастыри, крестовые походы, готика, поэты-рыцари, турниры, Оксфорд и Сорбонна, миннезингеры и даже Ганза. А всеевропейский Брюссель – это большой хрюкающий рынок с пустыми церквями, «хиджабами», эмансипушками и женоподобными нетрадиционными парами. Теперь майдан в обмен на чечевичную похлёбку готов одарить Европу, кроме «панелей», ещё и главным вкладом в цивилизацию – визжащими «femen». Союз с Великой и Белой Россией дал Малороссии возможность мирового взлета в 1812-1814 и 1941-1945 годах и всемирное признание Гоголя, дал святых подвижников, а казакам вроде князя Паскевича и генерала Сулимы – алмазные знаки к золотому оружию. Перед 1917 годом Малороссия была благородно-консервативным оплотом Святорусского царства, а в советское время Украина оставалась более религиозной, чем Россия и Белоруссия. И сейчас Украина религиозно крепче всех.

Возможно, Господь уготовил Украинской Церкви роль духовного возродителя всерусского Православия, а Украине – оплота нового союза Малой, Белой и Великой Руси и возглавителя новой Киевской Руси от Атлантики до Тихого океана.

Здесь собирався поставить точку, но, вспомнив о спасительной силе воспоминания, решил ещё раз прибегнуть к Слову великого святителя Иоанна (Максимовича), выпускника Петровско-Полтавского кадетского корпуса и одного из величайших малороссов тысячелетия. Мы не употребили слова «украинец» потому, что святитель до последнего вздоха был верен своему помазанному монарху, а в титулатуре императора отсутствовало слово «Украина». Святой митрополит Иоанн говорит: «за согрешившую, страждущую ныне Русь нужна и сильна ныне молитва Царя-Мученика». Майдан полагает, как, впрочем, и Москва-Болотная, что молитву святого Государя легко перебьёт голосование хриstopродавцев Европарламента на содержании во главе с каким-нибудь Боррозо.

Когда переносили в 1071 году мощи князей-братьев Бориса и Глеба, к Вышгороду Киевскому стекалась вся Русь от края до края во главе со своими князьями. То было величайшее свидетельство братской любви и единства. К памяти князей-страстотерпцев обратился и святитель Иоанн. Он напомнил:

К ним прибегали в нуждах, их славили, совершая их память несколько раз в году по всей Руси. Их явление на Неве ночью в канун дня преставления их отца, великого князя Владимира, вдохнуло силы в Благоверного князя Александра одерживать в тот день над шведами знаменитую победу и послужило началом прославления самого равноапостольного Великого князя Владимира. К тем двум первым страстотерпцам присоединился через полтора века Великий князь Игорь, принявший монашество с именем Гавриила и убитый киевлянами, хотевшими другого князя.

Всей Русью глубоко почитается благоверный Великий князь Михаил Тверской, после многих терзаний убитый в Орде по проискам князя московского Юрия. От того времени и до наших дней низко склонялись у мощей святого и Тверь, и Москва, к нему прибегали в скорбях и нуждах жители окрестных областей, черпали силы для строительства Царства Русского государи российские...

Ныне к сонму их присоединился Царь-Мученик со своей Семьёй. Нет ещё явных знамений, свидетельствующих о святости их, но качества, проявленные ими в дни испытаний, тесно соединили их с православными страстотерпцами... Господь вселил их в свои обители... Чем сильнее будут наши молитвы о царственных мучениках, чем больше будем их чтить, тем скорее сделает Господь ходатаями за Землю Русскую тех, кого уже удостоил Небесной Славы»...

Заключает свое «Слово» великий святитель упованием в грядущее просветление Руси:

«Уже доходят вести из Гефсимании об исцелениях, происходящих у гроба Великой княжны Елизаветы Федоровны. И если крепки будут вера и молитва наши, быть может, даст силу Господь молитве Царя-Мученика, и воссияют они светлой зарей над омытым слезами покаяния и мученической кровью Отечеством».

Святитель Иоанн был известен не только праведностью и глубиной суждений, но и суровой православной трезвенностью. Он отмечал в Слове: «В самой России шла борьба против самой её сущности и, разрушив Престол, враги России уничтожили даже имя её».

Однако «прузи» с «чревищем великим» считают себя умнее всех святых подвижников и тысячами трутся хитинными боками на майданах и на московских площадях, подгоняемые хозяевами в надежде перехитрить и власти, и всех святых праведников и даже самого Господа Бога, и без покаяния прошыгнуть в лагерь к евроатеистам. Как говорили римляне: «подобное тянется к подобному». Это путь предательства 1000-летнего православного братства. Такой выбор ведёт не к святым предкам, а прямо в преисподнюю, ибо он скверна для всех святых, в Земле Русской просиявших с киевской поры.

* * *

Государство можно вытоптать и уничтожить не только с помощью мигрантов, но и

мелкотемьем. Ещё в 80-е годы американцы жаловались на взрыв мелкотемья. Мы тогда ещё строили БАМ и радовались крупным стройкам. Мелкая тема перемалывает, дробит и мельчит человека, превращая его в суетливого «прузи»-потребителя. Мелкий человек враждебен Богу и общегосударственным задачам, равнодушен к прошлому и святыням и с «чревищем великим» гоняется за турпоездками и развлекалкой. Мелкотемье – есть способ уничтожения личности и государства.

Самое несчастное и бездарное на земле то общество, в котором главными советниками являются экономисты, т.е. «приземлённые люди с самыми малыми крыльцами» и с «чревищем» самым великим. Если бы, к примеру, царь слушал экономистов, то Транссибирский стальной путь никогда не был бы построен, ибо, с точки зрения «прузи»-экономистов, Транссиб выглядел проектом совершенно убыточным, разорительным и безрассудным, ибо десятилетиями предстояло прокладывать в необжитые и пустующие земли до океана.

Однако не будь Транссиба, Россия не выиграла бы Первую мировую войну, а она к февралю 1917 года выиграла её безраздельно.

Без Транссиба не было бы победы во Второй мировой войне и Берлина 1945 года, ибо без Транссиба был бы немыслим великий проект «Урало-Кузбасса» и мобильность тыла.

Мелкотемье превращает человека в «прузи». На Украине пока осиротевшая без советника Бориса Березовского Юлия Тимошенко голодала, не расплетая косу, а на майданах притапывали у бочек горлопаны, утешаясь чаем в мечтах о еврочревище, в это время в Китае произошло, возможно, самое страшное событие со времён киевской поры, событие, равное голодомору, но не замеченное на майданах. Президент независимой подписал в Китае договор о том, что он отдаёт китайцам в аренду три миллиона гектаров чернозёма на 50 лет, считай – навсегда. Надо ли говорить о том, что значит для любого народа, а тем более православного, мать-сыра земля. Чернозём – один сантиметр которого накапливается за столетие, чернозём, политый за тысячелетие кровью и потом земледельцев, отдаётся на хищническое разграбление. Отдать в аренду землю чужеземцам и иноверцам то же, что отдать в аренду родную мать.

До этого майдан вызывал отвращение бескрылым мелкотемьем и радовал врагов Украины, но теперь, когда все эти яценюки, кличко и тягнибоки не бросились грудью на защиту трёх миллионов гектаров священной почвы, все майданцы и бузотеры Рады могут

вызывать только чувство гадливости.

Куда смотрят казаки – исторические стражи родных земель? Казаков тоже хотят перемолоть в мелкотемье рынков, ларьков и полицейских патрулей. Казачество и у нас призвано обрести силу и сплотиться для защиты от чужеземной аренды хищниками российских земель, лесов и водоёмов. Казачество должно добиваться законодательного запрета аренды земли и лесов на Украине и в России чужеземцами.

С размахом глобализма, который сопутствовал человечеству всю историю, с движением людей и миграцией одновременно усиливается проблема границ во всех странах. Стены возникают на границе Мексики и США, между Турцией и Грецией, Турцией и Болгарией, растут бетонные стены в Израиле. Возрастает священная роль границ. Но главная угроза человечеству исходит со стороны рыночного оскотинивания человека. Но, увы, майдан не заметил даже утраты миллионов га чернозёма.

Аренды китайцам священного чернозёма было достаточно, чтобы навсегда убрать с политической сцены Януковича. Но заражённый мелкотемьем майдан не заметил утраты родной почвы. Кстати, Ющенко был лучше и Януковича, и Кучмы, ибо был откровеннее и честнее этих двусмысленных президентов.

Первое, с чего должны были бы начать руководители движения самостийности, это навеки исключить из украинского лексикона польское слово «пан», после того как паны в Варшаве заживо жарили и сдирали кожу с казацких атаманов. Майдан собирался создать живую цепь людей в 600 километров до границы с европейской «манной небесной». Теперь есть более актуальная задача во спасение Украины. Майдан призван создать живую цепь вокруг трёх миллионов гектаров родного чернозема и спасти священное достояние. В цепь живую следовало бы включить политиков всех направлений, боксёров, певичек, футболистов, говорящих на смеси тернопольского с аглицким, выпустить для этого на время даже Юлию Тимошенко и, разумеется, украсить цепь цветами незалежности – femen.

Честность требует признать, что с русской почвой и лесами дела обстоят куда трагичней, чем на Украине, но заражённые через телевидение чумой мелкотемья в Рашн Федерейшн думают только про ЖКХ, «мигалки», парковки да о секстурах. Украинские православные братья могли бы сплотиться для спасения родной почвы, вод и лесов, а не выпускать всю энергию в гудок по площадям и майданам. Память о сражениях, где

малорусы, белорусы и великорусы в совместных боях добывали алмазные знаки на оружие «За храбрость», поражая мир, призывает братьев сплотиться для спасения Святой Руси Киевской поры.

Над этой спасительной идеей каждую минуту своей жизни трудился святой помазанник государь Николай Павлович, создавая государство. К 1830 году при деятельном содействии монарха издано Полное собрание законов в 45 томах, охватывающих 176 лет: от Соборного Уложения царя Николая Михайловича до конца царствования в 1825 году императора Александра I. Сорок пять томов заключали в себе 30 000 актов.

Уже 20 лет все «единороссы», олигархи, «Патриоты», коммунисты, «бизнесмены» – словом, все креативные мошенники вместе с телепузи без отрыва от воровства строгают «национальную идею России».

Между тем в феврале 1836, в год создания Пушкиным «Капитанской дочки» – о чести смолоду, государь написал в Варшаву одному из величайших малороссов истории, наместнику Царства Польского светлейшему князю Паскевичу:

«Кажется мне, что среди всех обстоятельств, колеблющих положение Европы, нельзя без благодарения Богу и народной гордости взирать на положение нашей матушки России, стоящей как столб и презирающей лай зависти и злости, платящей добром за зло и идущей смело, тихо, по христианским правилам к постепенным усовершенствованиям, которые должны из неё на долгое время сделать сильнейшую и счастливейшую страну в мире. Да благословит нас Бог и устранил от нас всякую гордость и кичливость, но укрепит нас в чувстве искренней доверенности и надежды на милосердный промысл Божий».

Вот вам и формула русской национальной идеи, выраженная государём в пору самой культурной эпохи тысячелетия, которую мы иногда именуем «пушкинской».

Со своим государем были единомысленны и великие общерусские учителя. Жуковский писал Гоголю:

«Нам в теперешних обстоятельствах надобно китайской стеной отгородиться от всеобщей заразы. Ход Европы – не наш ход; что мы у неё заняли, то наше... Мы должны обрабатывать его у себя, по-своему, не увлекаясь подражанием, не следуя движению Запада, но и не вмешиваясь в его преобразования. В этой отдельной самобытности вся сила России».

Сам Пушкин говорил: «У Жуковского небесная душа! Всякий раз, как мне придёт дурная мысль, я вспоминаю и спрашиваю, что сказал бы Жуковский, и это возвращает меня на прямой путь».

Жуковский – учитель государей и поэтов, как и Пушкин и Гоголь, наши спутники и учителя, как и последний рыцарь Европы государь Николай Павлович.

* * *

Над проблемой нового культурного типа для будущей России много размышлял потомственный дворянин Константин Леонтьев, известный писатель и самый глубокий ум среди всех мыслителей России. Леонтьев понимал, что от решения этого вопроса зависит вся будущность его родины и даже её физическое бытие. Леонтьев завершил свои дни в 1891 г. монахом Оптиной пустыни, ведущего монастыря России, куда мечтал попасть и свт. Игнатий (Брянчанинов), потомок бояр Куликова поля. Леонтьев был благородный консерватор с непоколебимо правыми взглядами. Для него любая «левизна» равноценна бубонной чуме, как и для свт. Игнатия, и, кстати, для Суворова, а до них Петра I. Париж – это «столица тьмы и греха» (Брянчанинов) и родина мирового терроризма. Взятие Бастилии – это начало не Великой революции, а начало Бубонной чумы с гильотиной и сатанинской безбожной марсельезой.

Какой же культурно-исторический тип, по Леонтьеву, необходим России, какой чекан души может удовлетворить истинного русского дворянина пушкинского склада?

За год до кончины 3 мая 1890 года Константин Леонтьев записал в Оптиной пустыни «Допустивши даже, что будет ещё (до неизбежного надвигающегося светопреставления) один или два новых культурных типа, мы всё-таки не имеем ещё через это права (рационального) надеяться, что этот новый культурный тип

выработается непременно весьма уже старой Россией (900 лет Крещения! и больше 1000 с призыванием князей!) и её славянскими единомышленниками, отчасти переходящими (как болгары и сербы)

прямо из свинопасов в либеральные буржуа

(разрядка моя, –

К.Р

.), отчасти (как чехи и хорваты) давно уже насквозь пропитанные европеизмом».

Заметим, что Леонтьев в слово «европеизм» вкладывает резко отрицательный смысл. К его времени «европеизм» уже стал символом старчества, духовной немощи и дряблого комфорта. Для Леонтьева «европеизм» другое имя смерти. После того как болгары и сербы из свинопасов устремились прямо в либералы и европеизм, туда рванули плебеи с киевского майдана вот главе с тремя богатырями европейского «чревища» – Яценюком, Кличко, Тягнибоком и неугомонной пани с косой (лишившейся, увы, советника Бориса Абрамовича Березовского). Им подтягивают из Москвы плебеи с Болотной площади.

Так Киев породил самых комичных в истории европейцев «цэ Европа» – смесь бухгалтера Симона Петлюры с Нестором Махно, приправленную майданным балаганом. Три богатыря «с крыльца малыми» и «чревищами великими».

Мы знаем, что гетмана Наливайко с тремя полковниками заживо зажарили в раскалённом медном котле. За всех малороссийских мучеников-героев сказал на костре военачальник Тарас Бульба из пламени: «Постойте же, придёт время, будет время, узнаете вы, что такое Православная Русская Вера! Уже и теперь чувствуют дальние и близкие народы: подымется из Русской земли свой Царь, и не будет в мире силы, которая не покорилась бы ему!

Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!»

Враги Украины сделали все, чтобы на гривны вместо великого Гоголя попал проклятый церковью Мазепа. Его последователи с «чревищем великим» сбегаются на Майдан.

РАБОТЫ КОВАДА (КОНСТАНТИНА) БАГИРОВИЧА РАША

Автор: Pavel

13.12.2019 00:21 - Обновлено 13.12.2019 01:00

Раш К. Б.